

18+

Елена Богатырёва

ОДНОЛЮБ

Елена Богатырева

Однолюб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715404

ISBN 9785448540455

Аннотация

Продолжение романа «Три судьбы». Однолюб – это рок и беда, и судьба. Это жизнь на одном берегу, когда все на другом – миражи; когда более сладостен даже короткий миг умирания, но – с ней, любимой, чем долгая жизнь с другой. Да и откуда ей взяться, другой? Однолюб – это мир, где ей никогда не найдется места...

Содержание

Глава 1. Королевы больше нет, да здравствует король!	5
Глава 2. Дурацкое призвание	25
Глава 3. Дело №7635	35
Глава 4. Люся Воскресенская	50
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Однолюб

Елена Богатырева

© Елена Богатырева, 2020

ISBN 978-5-4485-4045-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Королевы больше нет, да здравствует король!

Бедные люди живут тихо, как мыши. Даже надрывный их крик тонет в гуле человеческого моря им подобных. Монотонный гул моря бедности поглощает слова, шум семейных склок и гром скандалов, скрежет стареньких машин, пьяную брань у дешевого ларька. Бедных не слышно.

Богатым удается произвести шум. Звон богемского стекла, хищный вой сигнализаций, перестрелки. Богатые любят пошуметь. Им не приходится кричать на улице, чтобы быть услышанными, – то в рупор, до хрипоты, возле плаката непопулярного политического лидера, под знаменами, которые вот уже полвека всех только раздражают. О богатых шумят газеты и журналы, их слова доносит эфир – никаких помех, право на голос оплачено.

А еще есть очень богатые люди. Они всегда живут тише, чем мыши. Им не нужно непрерывно доказывать себе ни свою правоту, ни состоятельность. Они слишком очевидны. А потому они не выставляются напоказ, чтобы не вызвать шока у тихих или шумных соседей.

Так рассуждал маленький человек с лысым черепом и несоразмерно большими ушами, в сотый раз перечитывая факс о своем назначении руководителем Северо-Западного

филиала Гуманитарного общества со скромным названием «Жизнь». Чувство, схожее с ощущением полета, вызывало у него чтение бумаги, открывающей ему двери в мир бесшумных людей, наделенных головокружительной властью.

Легкое и щекочущее ощущение вакуума, полного одиночества – последние, жалкие остатки человеческих чувств, от которых ему теперь предстоит избавиться. Он попал в десятку, в круг избранных, в виртуальный мир, оставив в мире физическом лишь свою жалкую копию. Петр Рудавин усмехнулся. Копия действительно существовала. Вот уже три года в его трудовой книжке стоит штамп маленькой юридической конторы, где он служит секретарем-делопроизводителем. В конторе действительно сидит человек, очень похожий на него, работает под его именем и получает мизерную зарплату от фирмы и достойную – от организации «Жизнь», членом которой состоит.

Единственная связь с реальностью – это сторбленная подслеповатая мать Петра, копающаяся на грядках в Новгородской области. Но о ее существовании не знает никто. Раньше Рудавин стыдился рассказывать о ней, а потом понял, что благодаря своей стыдливости он неуязвим... Работа в организации, особенно на руководящей должности, полна риска. Но он не допустит промаха. Он слишком долго шел к своей цели. Его недооценивали, ему мешали – и? Где теперь прекрасная Людмила Павловна? Где эта змея с колдовскими глазами, из которых, казалось, летят разноцветные брызги?

Раздавлена своим скромным заместителем. Рудавин снял очки, сомкнул веки и разулыбался, вспоминая...

Сообщение о том, что Воскресенская попала в автокатастрофу, он получил сразу же. Один из агентов срывающимся голосом сообщил, что Феликс сгорел в машине, а Людмила без сознания, истекает кровью. Петр позвонил знакомому хирургу, велел возить ее в больницу Мечникова и прибыл туда первым.

Рудавин рассмеялся. Да, такие подарки судьба преподносит не часто. А как она кричала потом, как кричала...

Похороны Людмилы Павловны были скромными. Нанятые за бутылку кладбищенские бомжи снесли пустой гроб к указанному месту, Петр собственноручно возложил на свеженький холмик небольшой венок, произнес коротко: «Покойся с миром!» – и смахнул несуществующую слезу. Для всех, в том числе для начальства, Воскресенская теперь была только прахом. А для него еще могла оказаться полезной...

Осмотрев пострадавшую, хирург прерывающимся голосом перечислил ее повреждения. Травма головы – раз, впоследствии возможна слепота. Раздроблены обе ноги – два. Клялся, что сумеет спасти – соберет косточки. Легкая хромота, говорил, конечно, останется, да и полежать с гипсом придется около года, а затем заново учиться ходить...

«Нет, – спокойно сказал Петр. – Не нужно». – «Чего не нужно?» – не понял врач. «Легкой хромоты. Проще ведь ампутировать, правда?» В глазах хирурга заметался страх.

Он не первый год помогал организации. И теперь взвешивал, чью сторону принять – беспомощной главы филиала или ее заместителя и, вероятно, – преемника. Хирург твердо посмотрел в глаза Петру: «Как скажете». Замечательный человек. Сейчас на стажировке в Калифорнии. А здесь к его возвращению закончится строительство принадлежащей организации частной клиники, которую он возглавит.

Когда Людмила Павловна в первый раз открыла глаза, Петр стоял у ее кровати с букетом полевых цветов. Она слабо улыбнулась. Он улыбнулся широко. К тому времени ее уже перевезли за город, под Лугу, в специально оборудованный дом. Вокруг – ни души на много километров. Персонал – две глухонемые женщины, преданные Петру. Как она кричала, когда все поняла! Казалось, вот-вот умрет. Петр молча стоял рядом, наслаждаясь ее мучениями, боясь пропустить малейшую деталь, будто впитывая ее отчаяние. «Это расплата, – говорил он себе. – Никто не смеет стоять у меня на пути!» Он получал истинное удовлетворение. Ему, правда, больше нравилось слово «сатисфакция».

Людмила умолкла и посмотрела на него совсем по-другому. Особенно. У него вырвался нервный смешок. Старые привычки! Безногая обольстительница. Куда как умно! Она смотрела внимательно, и глаза светились умом. Рудавин отпрянул. Гадина! Недаром все школы организации прошла, получила высший балл по влиянию. Научилась. Нужно быть осторожнее. Он изобразил на лице скуку, посмотрел в по-

толок, бросил букет на кровать – колокольчики посыпались на пол – и вышел за дверь.

Все. С Людмилой покончено. Навсегда. Теперь она для него лишь удобный инструмент для работы. Как живая голова профессора Доуэля. Пусть полежит, переживет свою злобу, соскучится по обычной человеческой речи, тогда можно будет ее использовать.

Но его расчет не оправдался. Семь месяцев, которые Людмила провела практически без сознания под капельницами, перенесла не только ампутацию, но и несколько сложных операций, еще полгода, которые она приходила в себя, ничего не изменили. Уже более двух лет она лежала на той же кровати в Луге, и глаза ее при виде Петра полыхали все той же ненавистью.

Он пытался задавать ей вопросы, касающиеся организации, но она молчала. Ни малейшего намека на то, что она когда-нибудь откроет рот хотя бы для того, чтобы послать его к черту, не было. Но Рудавин был терпелив, умен и наблюдателен. Уголки ее губ неумолимо ползли вниз. В глазах с каждым месяцем все ярче разгорался огонек отчаяния. Он предупредил женщин, чтобы следили за ней в оба и поменяли посуду на пластиковую. Он не желал, чтобы она умерла по собственной воле, без его благословения.

Теперь она казалась абсолютно раздавленной и покорной. Долго разглядывала Рудавина, уже не пытаясь подавлять или гипнотизировать. Слушала внимательно, но молчала.

Он часто спрашивал себя – зачем? Зачем ему эта вечная немая угроза? Вряд ли она что-нибудь скажет ему, а если и скажет, то едва ли это будет такое, что ему самому еще не известно или до чего он сам не в состоянии додуматься. Но ощущение власти без этой очаровательной заложницы было для Петра неполным, ущербным. Что толку, если подстрелил дюжину зайцев? Только убив льва, можешь считать себя настоящим охотником. Что толку, если властвуешь над слабым или даже равным себе? Трепет в душе вызывает лишь власть над более сильным.

Людмилу он держал в последнее время как трофей. Они сражались, он победил и теперь вправе наблюдать своего врага, скованного и безопасного, до тех пор, пока не отпадет нужда припоминать все детали их горячей схватки, своей дивной победы.

Рудавину нравилось вспоминать о своих победах, класть противника на лопатки. Таким воспоминаниям он мог предаваться бесконечно. Однако дела, которые предстояло изучить руководителю Северо-Западного региона, требовали времени, и он продолжил изучение инструкций, на которые центр никогда не скупился. Бумажная работа утомительна, но только не в организации, где жалкая бумажка может раскрыть тайны самых тихих людей.

Вот, к примеру, американский филиал делится конфиденциальной информацией о работе, проведенной для организации пресловутого скандала Клинтон – Левински. Обра-

ботка Моники заняла пятнадцать часов тридцать семь минут, и женщина даже не поняла, что и как произошло. А после, пока газетчики, затаив дыхание, слушали, как Билл публично каялся в адюльтере, организация объявила о смене состава совета директоров нескольких крупнейших топливных компаний. Сообщения были в тех же газетах, но на последней странице, на которую никто не заглядывал. Без очаровашки Моники такой трюк вряд ли прошел бы незамеченным. Теперь журналисты стонут от однообразия информации и потому суют свой нос буквально повсюду. Кто-то мог бы задуматься, проанализировать, поднять волну. Начались бы общественные диспуты и прочая ахинея. А благодаря Моники все прошло тихо, как все и делается в тихом мире.

Расшифровав следующую бумагу, Петр узнал о том, что недавнее турне известной английской рок-группы санкционировано и оплачено организацией для воздействия на дошных московских журналистов, довольно близко подобранных к Московскому филиалу. Музыка сопровождалась низкочастотными волнами, надолго лишившими злобную молодежь здоровья и, главное, смелости. Результат превзошел ожидания – после концерта журналисты неожиданно вспомнили о других жизненных ценностях и отправились кто сажать дерево, кто растить сына, кто строить дом.

Третье сообщение было и вовсе смехотворным. Оно содержало список любовников и любовниц членов правительства Франции, перечислялись адреса тайных квартир и раз-

ные пикантные подробности. Это вряд ли пригодится. Хотя... как знать. Петр уже освоил немецкий и английский. Новая техника – закрываешь глаза полным идиотом, а открываешь с правильным произношением и пониманием неизвестных доселе слов. Чудесно и легко. Пару дней легкий туман постоит в голове, а так – все в порядке. Правда, Петр не очень доверял таким методам. Ведь вместе с иностранными словами в голову можно вложить все, что угодно. Сам не раз этим пользовался. Руководитель курсов иностранных языков, разрекламированных во всех газетах и журналах, был его приятелем и время от времени подбрасывал интересную информацию о своих учениках. Крупный бизнесмен, скажем, собирается в Австралию с деловым визитом. Переводчику не доверяет, хочет сам освоить язык. Бизнесмен приходит в офис, удобно устраивается в кресле, его быстро вводят в нужное состояние и закладывают в память английские слова, а опытные сотрудники организации «Жизнь» довершают работу, вкладывая туда же советы: с кем следует крутить бизнес и на кого полагаться.

Дешифровка утомила Рудавина. Он подошел к окну, раздвинул жалюзи. Летом он никогда не работал в полную силу. Лето было его любимым временем года. Благодать. Тихий сквер, старушка кормит голубей, солнышко припекает. Раньше он этого не видел. То ли времени не хватало, то ли слишком много думал о карьере. Но теперь он стоял на вершине горы и мог позволить себе передышку. За последний

год он научился наслаждаться жизнью. Или это жизнь приобрела более приятный вкус? Она ведь так редко баловала его прежде...

Родился он желанным ребенком в счастливой семье. Отец – ученый-археолог, известный в городе человек. Квартира в пять комнат, серенькая «Волга» плюс ярко-красные служебные «Жигули», снабжение от Академии наук плюс еще кое-какие мелочи вроде зарплаты. Рождение его было удачным. Как говорил позже один из его тибетских учителей – с хорошей кармой родился, в нужное время и в нужном месте. То есть в почти столичном городе, в самый застой социализма и в семье, близкой к власти и богатству. Вот только прожить в этой счастливой карме Петеньке суждено было недолго, всего пять годочков. А на шестом пришлось переехать в самую задрипанную коммуналку, из пятнадцати комнат, и влиться в тесный коллектив ее сорока обитателей. А все благодаря одной юной вертихвостке, так упорно нырявшей каждую ночь в палатку Рудавина-старшего на раскопках древней восточной страны с некрасивым названием. И сподобилась юная дева народить Петеньке сразу аж двух братишек и одну сестренку.

Отец сообщил матери, что «так получилось», сразу же. Переживать, разрываться на части не стал. Не такой был человек. Глаза светились честностью, грудь вечно – нараспашку, брюки слегка расстегнуты. С матерью Петра он познакомился тоже в палатке. Только палатка его – та же самая, ста-

рая, латаная палатка, с которой он никогда не расставался, – стояла тогда не в восточных горах, а в устье Северной Двины, в маленькой деревушке, которой теперь и на свете не существует.

Несмотря на то что в момент появления юной вертихвостики Петрушиной маме уже стукнуло тридцать семь, ума у нее было немного, а занять, как говорится, не у кого. Родители померли, а сестре в Печоры – пока напишешь, да пока ответ получишь. Да и стыдно писать про такое. Неудобно. Она одного народила, а та сразу трех. Значит, любила сильнее. Мама взяла Петюню за ручку да с одним чемоданчиком переехала в одиннадцатиметровую комнату разлучницы, уступив пятикомнатные хоромы новорожденному выводку.

Соседки, узнав историю Петюниной мамашы, просто взбеленились. Кричали, что в нарсуд нужно, в партком, в милицию и вообще: серной кислотой плеснула – и все тут. Утешали как могли, но чаще – водочкой. В партком мать не пошла, а вот утешение в горькой микстуре отыскала. Но, работая вахтершей, на основательное утешение не заработаешь. И стали в доме появляться мужчины. Первого, второго и, пожалуй, еще даже пятого Петя звал папами и верил всякий раз, что именно этот папа насовсем. Верил, пока не подрос и не услышал от соседа Лехи нехорошее слово «шалава», сказанное в адрес его мамочки.

Будучи еще в совсем нежном возрасте и не разбираясь в ненормативной лексике, Петя, конечно, не сумел понять,

что произошло, но почему-то почувствовал, что судьба его переменялась, съехав со счастливых рельсов, по которым катила прежде, на замшелые несчастливые. И самое главное, понял, что причиной такой перемены является его собственная горячо любимая матушка. Рассуждения его для неразумного дитяти были короткими и весьма логичными: если с матушкой счастья не будет, следует искать другие пути, другие рельсы. Он сбежал из дома. Его поймали, вернули. Он снова сбежал. Он не хотел оставаться там, где поселилось несчастье. Так продолжалось до тех пор, пока мать не лишили родительских прав, а его не отправили в детский дом, чему он, нужно сказать, очень обрадовался.

В детском доме жилось несладко, зато не нужно было тащить груз чужих ошибок и глупостей. Прошлое растворилось само собой. Можно было целиком посвятить себя строительству счастливого будущего.

Петя учился лучше всех, потому что днем и ночью сидел над учебниками. Про счастье, таящееся в высшем образовании и в пятерках, он знал, мать не раз говорила. Ему выдали аттестат с отличием, но посоветовали не лезть в университет на английскую филологию, куда он стремился, потому что все равно не примут. Почему? Ему объяснили: нужны связи. И Петя отправился к отцу.

Он успел только сказать: «Здравствуй, папа» – и зажмурился, оглушенный грохотом массивной металлической конструкции, захлопнувшейся перед его носом. В университет

Петя не полез. Зачем пытаться счастье, если не наверняка. Он поступил в Горный институт, куда брали всех, даже с тройками. За красный диплом бороться не стал, боялся, знал, что отличников отправляют по распределению куда-нибудь на Север. Была такая практика в институте. Единственная тема, которая его заинтересовала за пять лет учебы, – драгоценные камни. На полевой практике Рудавин собирал бирюзы, разноцветных опалов, розового и белого прозрачного кварца. Сговорился с выпускником токарного ПТУ и занялся распространением кустарных колечек среди прекрасной половины человечества. Один раз удалось ложечный мельхиор выдать за платину, а прозрачный кварц – за алмаз чистой воды. Так и уехала счастливая тетенька в родную Самару, уверенная, что умный человек и за сотню может купить клад бесценный.

Колечки продавались недолго. Его избили. Фарцовщики. Он не знал правил. Пережить боль от синяков оказалось гораздо легче, чем сам факт избиения. Петр заболел, и врачи хлопотали над ним несколько месяцев, не могли поставить диагноз. А диагноз был прост – ущемленное самолюбие. Случается, от такого люди и умирают. Тогда-то Петр впервые осознал, что его стремление к счастью на самом деле не что иное, как честолюбие. Но не обычное человеческое честолюбие, а особенное – по-наполеоновски огромное. А детская мечта «делать все, что хочу» – это жажда власти и денег. Более того, остро ощутил, что его честолюбие ничем

не удовлетворено, более того – оно страдает, а перспективы ублажить его равны нулю. Это открытие сделало болезнь затяжной, а усилия врачей – бесперспективными.

Мир изменился. Стал серым и убогим. Рудавин раз в четыре дня сдавал анализы и каждый раз с некоторым даже злорадством убеждался в том, что медицина бессильна. Гемоглобин в его крови падал, а время реакции оседания эритроцитов росло. Через месяц, испробовав все методы, врачи стали подозревать у него серьезную и, возможно, неизлечимую болезнь, а потому разговаривали чрезвычайно любезно и на обследованиях не настаивали.

Тогда Петру стало совсем скучно. Началась беспросветная депрессия. Днем он спал, а ночью выходил из дома и бесцельно шатался по городу. Шел и прислушивался к звукам собственных шагов. Считал: пять, сто десять, триста шестьдесят... В голове звенело от пустоты, сердце окаменело, и монотонный стук в груди наводил Петра на мысль, что это не его сердце стучит, а упрямый мир ломится в его сердце, но никак не может попасть внутрь. Он полюбил кладбища. Бесстрашно бродил ночью по Смоленскому, словно по собственным владениям, распугивая целующиеся парочки. Видающий здесь дух смерти нашептывал ему о вечном, о Боге. Но Петр слышал только; власть, неограниченные возможности... Которых у него никогда не будет...

Очевидно, первые пять лет жизни, проведенные в тепличных условиях, покалечили Петину психику настолько, что он

мог нормально функционировать лишь с правами хозяина жизни. Слуга или мальчик на побегушках – это не для него. Рудавин взвешивал свои шансы, изобретал сложные кульбиты, которые могли бы привести его на вершину социальной пирамиды, но все время возвращался к одной и той же мысли: шансы его равны нулю.

Дважды за время своих ночных скитаний он примеривался к перилам моста. Кому нужна эта жизнь, если барахтаешься в мелком болоте и никаких шансов что-то изменить? В третий раз Петр шагнул к перилам уверенно, решившись...

Петр непременно прыгнул бы в темные, остывшие к концу лета воды Невы и пошел бы ко дну, ни о чем не пожалев. Он уже закинул ногу. Но кто-то тронул его за плечо...

Иностранец. Но говорил чисто. Только легкий акцент. Повел в валютный бар, обхаживал весь вечер так, что к утру у Петра не осталось сомнений – его вербуют в агентуру иностранной державы. В разведку.

От нездешних алкогольных напитков и посулов в сердце разлилась истома. Петр прислушался к себе. Не страшно ли предать Родину? Нет, страха не было, внутри все пело и ликовало. Наконец-то власть и, конечно же, – деньги. За идею он пальцем о палец не ударит.

Но иностранец предложил другое. Предложил срочно поступать в аспирантуру и обещал содействие. Когда увидел на лице Петра кислую гримасу, добавил: «А потом к нам,

по обмену опытом. Как раз из вашего института набираем группу».

Вместо аспирантуры в Чехословакии, куда его перевели для трехмесячного обмена, начались тренировочные лагеря в Карпатах. Его почти сразу определили в группу интеллектуалов, потому что, во-первых, набрал достойные баллы по тестам, а во-вторых, для любой физической работы был абсолютно непригоден. В отличие от других членов организации, которых обучали скопом, предварительно промыв мозги с помощью специальных препаратов, Рудавин с самого начала проходил индивидуальную подготовку.

Освоился он быстро. Но о целях и задачах организации узнал не скоро. Долго считал ее разветвленной шпионской сетью. А узнал, куда же он попал, когда пригласили в Нью-Йорк после открытия «железного занавеса», на празднования по поводу развала Союза. После первого же бокала шампанского у него дух захватило, оттого, что понял: они выше правительств и разведок, они правят миром. И тогда показалось, что он предчувствовал это давно. С самого начала, быть может.

Как только Рудавин занял в организации свой первый пост – начальник группы из двадцати человек, – он навел порядок и в своих личных делах. Во-первых, сводил мать к врачу, и тот вшил ей ампулу, припугнув, что первая же рюмка станет для нее последней. Купил ей дом в сельской местности и подыскал тихого непьющего старичка, мечтающего ко-

паться в огороде. Вот он огород – гектар. Закопайся.

На втором месте в его списке значился отец. Он часто представлял себе этот разговор. Вызвать в партком, отослать председателя и наедине разобраться от души. Знаешь ли ты, старый пень, кто перед тобой? Сынок, да, да, тот самый, который когда-то чуть не рыдал под твоей дверью. Тот самый, о котором ты почти тридцать лет как думать забыл... За долгие годы работы в организации Рудавин прекрасно изучил собственное лицо и реакцию собеседников на различные его выражения. Когда кого-то нужно было убрать, он смотрел прямо перед собой, но словно сквозь человека. Отец должен на собственной шкуре испытать этот его новый взгляд.

Он предвкушал триумф, слезы отца, этой раздавленной гадины... Не получилось. На работе отца не оказалось – он вышел на пенсию. Петр отправился к нему домой. Открыл неопрятный выживший из ума человек с всклокоченными седыми волосами. Затарабанил какую-то чушь. На него прикрикнули с кухни. Он сжался и побежал на зов. Наказывать было некого. Обошлось без Петра. Но вот жена...

Она вышла следом. Властная, подтянутая, сорокалетняя. Понятно, не сдает отца в дурку только потому, что лишится пенсии и бесплатного обеспечения. Смотрит строго. «В чем дело?» – «Извините, ошибся квартирой». – «Ну и идите себе». – «Ну и иду».

Братишек тоже посмотрел. Один на папиной старенькой «Волге», другой – на бывших казенных «Жигулях». На две

головы выше Петра, коренастые, с красными, словно жирными губами. Ходят, смеются – точно стая чаек орет над мусорной свалкой. Одному из них (Петр не трудился запомнить, кто из них кто) устроил тюремные нары (вел машину в пьяном виде и сбил человека), второму – ограбление неизвестными, в результате которого ни одного синяка – только аккуратно перебит позвоночник (инвалидность пожизненно). С сестренкой было попроще. Сестренку заманил в модный притон, посадил на иглу. Зарабатывать с помощью самой древней профессии она догадалась сама, когда денег на наркотики перестало хватать...

Через полтора года снова ходил посмотреть на мачеху. Из двери вырвался смрад, на полу груды мусора. Она постарела, дышала перегаром. Стала чем-то напоминать отца. Смотрела затравленно. В чем дело – больше не спрашивала. Строгость испарилась. Теперь Петр спал спокойно. Прошлые унижения больше не напоминали о себе. Самолюбие больше не тревожило. Чувствовал себя большой могучей птицей, взмывающей вверх, все выше и выше. Каждый взмах крыльев – новая высота. Никаких преград. Все остальные – только дело времени.

Рудавин вернулся к столу, потянулся сладко, удобно уселся. И в этот момент раздался телефонный звонок. Петр посмотрел на телефон, и его бросило в жар. На столе лежало три мобильных. Первый – для сотрудников. Второй – для общения с начальством. Третий – для сугубо личных целей.

По нему могли позвонить только из Луги...

Он сразу решил, что случилось что-то неприятное. Может быть, Людмила все-таки умудрилась покончить с собой. Мало ли способов? Выпрыгнула из окна, съела острый предмет, давилась простыней. Только вот – не похоже на нее. Звонок не повторился. Рудавин дрожащими руками набрал номер. Никто не ответил. Значит, действительно что-то серьезное, волнуются, бегают... Петр встал, открыл ящик стола, достал пистолет, переложил его в портфель и быстро вышел...

Охранник подскочил как ужаленный, Петра явно не ждал. Отрапортовал скомкано. Петр не дослушал, пошел в дом. Все окна были целы, значит, не из окна, рассуждал он. Почувствовал, как слегка дрожат руки, чего с ним вовек не случилось, и признался себе: он за тридевять земель прилетел только для того, чтобы узнать и увидеть – что же такое она с собой сделала. Как бы там ни было, он искренне уважал Воскресенскую за ум и почти колдовские способности, с помощью которых она могла бы заманить сотню человек в омут, как гамельнский крысолов. Если эта великолепная женщина решилась на самоубийство, то тем самым она признала свое поражение, сдалась и ушла наконец с дороги Петра, оставив его единовластным властелином этого мира.

Петр шел быстро, охранник едва поспевал за ним. Лихорадочное возбуждение, преследовавшее его все время по пути сюда, достигло своего пика. Он поднялся в комнату Людмилы, распахнул дверь и...

Кровать была пуста, аккуратно заправлена и завалена полевыми цветами. Санитарок долго искать не пришлось. Они сидели за столом в соседней комнате и выглядели бы вполне естественно, будь они живы.

Петр дернул головой, словно пытаюсь избежать удара. Но было поздно, удар он уже получил: Людмила обошла его. Обошла коварно, применив совершенно немислимый маневр. Какой – он пока не мог разгадать. Пока охранник, бледный словно полотно, пытался сказать что-нибудь связанное, Петр вспоминал...

– Не было, никого не было, – разобрал он, наконец, рыдающие всхлипы охранника. – Парень только этот убогий, ну который каждый день тут... С косой на поляне...

Петр вспомнил. Да, парень. Кажется, совсем молодой. У юродивых трудно определить возраст. Белые волосы, белые ресницы, а сам смуглый. «Ну-ка, любезный, – сказал он ему тогда, – набери-ка мне букет побольше». Тот ослабил-ся, отбросил косу, принялся ползать по траве...

И вот теперь точно такой же букет лежит на кровати, а Воскресенской нет. Петр поднял с пола колокольчик, повертел в руках, надломил стебель. Свежий. Нужно было что-то придумать, но пока он думал только об одном: как ей все это удалось? Он слышал много разных баек о лучших членах организации, которые творили подлинные чудеса: проходили сквозь стены, как Гарри Гудини, глотали стекло, плясали на углях... Но к Людмиле все это не могло иметь никакого

отношения. Ее он изучил досконально. По крайней мере еще вчера ему так казалось. Она была мастером по части убеждения и влияния на людей с помощью гипноза. Но даже если она нашла подход к сиделкам, как могла калека без ног одолеть двух сильных женщин и исчезнуть?

Сейчас ему казалось, что в глубине души он ожидал чего-то в этом духе. Но – так скоро! И так легко! По телу поползла липкая дрожь. Выходит, он чего-то не учел. Она его обошла. Думать, думать... Цветы. Точно такие же, как он принес ей тогда. Безмозглый паренек на поляне. Может быть, ей удалось его использовать? Только как? В ее комнате даже окна не было. Пока он ничего не мог понять...

Рудавин поднес пальцы к глазам. Руки едва заметно дрожали. Он сам начал эту игру. Глупо было оставлять ее в живых. Захотелось испытать свою силу и власть. Поставить ее на колени. Петр нервно рассмеялся. Нет у нее теперь коленей. Нет.

Он еще раз посмотрел на мертвых санитарок и вышел, не оглянувшись на охранника.

Глава 2. Дурацкое призвание

Слава Грох пришел домой раньше обычного и никого не застал. Ясное дело – Стася гуляет с принцессой. Правильно, погода отличная. Потирая руки и пританцовывая, он направился к холодильнику, достал сковороду и, одобрительно хмыкнув, поставил ее на огонь.

Все-таки замечательно, что они сняли квартиру. Пусть однокомнатную, с потертыми обоями и обшарпанной мебелью, пусть сюда каждый месяц наведывается препротивнейшая старуха и слюнявит мелкие купюры, глядя на него как на разбойника с большой дороги, зато никаких проблем...

После свадьбы он сразу же поставил условие ее отцу – они живут совершенно самостоятельно, никакой помощи. И как ни корила его Раиса, ставшая ему теперь не только сестрой, но еще и тещей (!), он оставался непреклонен до тех пор, пока Стася не переступила порог его комнаты в коммунальной квартире. Точнее, пока она не переступила порог в обратном направлении – из комнаты в коридор. По лицам соседок он безошибочно составил прогноз: взаимопонимание или хотя бы взаимоигнорирование исключены. И сделал вывод: пора сматываться. Соседки были не совместимы со Стасей, как несовместимы сочная красная рыба и дешевая корюшка в одной кастрюле. Пришлось брать на заводе ссуду, бегать по агентствам, и вот в конце концов – отдельная пло-

щадь. Здесь они были гораздо более счастливы, чем могли бы позволить себе любые другие молодожены. Так, по крайней мере, считал Слава.

После смерти Норы, жены Дмитрия, Раиса и Дмитрий не выдержали положенного года и тут же расписались. Раиса давно уже освоилась в апартаментах Дмитрия и все время настаивала, чтобы Стася со Славой переехали к ним «жить большой дружной семьей». Но Слава упорно добивался самостоятельности, памятуя о плотной, почти материнской опеке сестры, когда она еще не была его тещей.

– Женщине нужен комфорт, подумай об этом, – говорила Раиса при каждой встрече.

Она произносила эту фразу как заклинание, встряхивая широкими прозрачными рукавами невесомого домашнего платья с золотым тиснением. Говорила так, словно родилась и выросла в коттедже с бассейном, а не пролежала добрые сорок с лишним лет в тьмутаракани на продавленном старом диване, как Илья Муромец. Впрочем, с Муромцем ее явно что-то роднило. Тот тоже лежал-лежал, а как встал, таких дел наворотил...

– Что ты можешь ей дать? – Раиса строго смотрела на Славу сквозь новые элегантные очки, оправка которых стоила по крайней мере три Славиных зарплаты.

– Честную старость, – язвил Слава.

– Ах, о чем ты говоришь, – красиво (и когда только научилась!) заламывала руки Раиса, глядя на него с явным со-

жалением. – Честность – такая относительная вещь...

Сестру он теперь в душе все-таки чаще называл тещей, потому что в последнее время она изменилась до неузнаваемости и стала до того чужой, будто он не провел с ней полжизни в маленькой двухкомнатной квартире и не знал как облупленную. Как, однако, быстро меняются женщины! Как скоро они готовы сложить к ногам безгранично любимого законного мужа все свои скопившиеся за сорок с лишним лет привычки, идеалы, убеждения и прочую мишуру затянувшегося девичества. Как скоро они перекраивают себя по мужней мерке, изменяют своим желаниям и мечтам в угоду его капризам и фантазиям. Правда, все это происходит только в том случае, когда их окружают комфортом, любовью и неким количеством денег, дающим возможность не думать о таких мелочах, как сколько стоит сегодняшний легкий ужин, доставленный из «Метрополя». Селекция тепличных растений и та требует большего времени!

– Ты только подумай, чего ты лишаешь свою жену! – говорила ему Раиса, лежа на кушетке под быстро мелькающими руками молоденькой массажистки. – Подумай, что ты у нее отнял!

Разумеется! Разве может женщина прожить без массажистки, без домработницы, без встроенной бытовой техники с сенсорным управлением, без маленького спортивного автомобиля и без кредитной карточки с неограниченными возможностями? Так, кажется, пошутил тогда Слава, пыта-

ьясь напомнить сестре, что она еще меньше года назад прекрасно готовила окрошку своими руками, стирала, бегала по магазинам и делала все то, что делают миллионы женщин. Но сестра даже не поняла, что он пошутил. Конечно, воскликнула она радостно, не может прожить. Потому что это не жизнь – а прозябание! Раиса утратила единственное, что их роднило со Славой на протяжении пусть не легкой, но по-своему счастливой жизни в Воронеже периода совместной жизни, – способность шутить и понимать, когда шутят другие.

Дмитрий, правда, в отличие от сестрицы, вел себя сдержанно и ни разу не упрекнул Славу в том, что он лишает Стасю чего-то важного. Только спрашивал порой тихо, чтобы никто не услышал: «С деньгами – порядок? А то могу ссудить...» Но Слава еще ни разу не прибежал к его помощи. Дмитрий держался молодцом, хотя не всегда мог скрыть озабоченность, наблюдая, как они со Стасей втискиваются в битком набитый муниципальный автобус, отправляясь домой, после визита «к родителям». Дмитрий кусал губы и молчал, тогда как Раиса постоянно корила брата.

С сестрой Слава готов был по-настоящему рассориться, но ситуация неожиданно разрешилась сама собой. Сначала выяснилось, что Стася ждет ребенка, а потом – что его сестрица собирается окончательно запутать его в родственных отношениях, родив ему одновременно брата и свояка. Все разговоры о переезде отпали сами собой. «Очевидно, счи-

тает, что теперь нам всем не хватит места в восьми комнатах!» – ехидно думал Слава, глядя на округляющуюся сестру.

Раиса оказалась не по годам проворнее Стаси и родила славного мальчика на две недели раньше, чем Стася родила Леночку. Некоторое время после этого события они провели в розовом тумане, пока Леночка не научилась ходить, а на Стасю не нашла хандра.

Именно так объяснял себе Слава ее состояние. И как Стася ни пыталась втолковать ему, что «это совсем другое», он ничего не хотел слышать. Да и что было слушать? Про ее предчувствия? Про какие-то картинки, которые она иногда видит? Смешно, ей-богу. Возомнила себя второй Вангой. А повод-то был смехотворный...

Как-то раз в двенадцатом часу ночи к ним постучалась соседская газель Ирина и, заливаясь слезами, упала Стасе на грудь. Пока Слава ходил на кухню за водой, ее стоны перешли в громкие безудержные рыдания. Чередуя слова и всхлипы, она все-таки сумела поведать причину столь странного поведения: муж бросил. Да и не муж он ей, собственно, и был, а сожитель, чего ж убиваться? Кажется, именно так Слава и выразился. Исключительно, чтобы утешить соседку и облегчить ее состояние. Подействовало. Ирина моментально прекратила шмыгать носом и уставилась на него злыми сухими глазками. «Мужчина!» – сказала она с ненавистью, словно изрыгнула проклятие, и увела

Стасю к себе.

О чем они там говорили – неизвестно, только через полчаса Ирина возвратила Стасю домой, осторожно ступая и ведя ее под локоток, словно вернула фарфоровую статуэтку, взятую напрокат. Потянулась как кошка, кинула Славе снисходительно-кокетливо: «Пока, Славик!» – и, покачивая бедрами, выплыла за дверь.

Слава развел руки и даже поздравил Стасю. Сказал, мол, здорово их там на психологическом факультете обучают, раз и одного курса не закончившая студентка за полчаса привела в чувство такую истеричку. Пошутил еще, мол, деньги за такое нужно брать, и немалые. Того стоит. А Стася стоит молчаливая, задумчивая и вся словно светится. «Знаешь, – говорит, – я ведь ей будущее предсказала». – «Как? Опять?» – нахмурился Слава, не любил он эту тему. «Сама не понимаю, явилось все вдруг, я и сказала ей. Не все, конечно, но, главное, про мужа...» – «Про сожителя», – перебил Слава, очень уж ему хотелось перебить Стасю. «Не важно. Сказала, что вернется он через два дня», – «Во-первых, – попытался вразумить Слава, – нехорошо людей обманывать. А во-вторых, предлагаю куда-нибудь смыться через два дня. Боюсь, что, не дождавшись своего мужика, эта газель тебя копытами забьет...» Стася ничего ему тогда не ответила, только улыбнулась загадочно, да и не ему вовсе, а своим мыслям.

Через два дня Слава на всякий случай отпросился с работы пораньше. Ирка в гневе была еще ужаснее, чем в слезах.

Стасе Слава объяснил, что сегодня короткий день в честь Международного дня технолога, и вида не подал, что явился ее защищать. Целый вечер он провел в напряжении, как гладиатор перед выходом на арену, представляя, какими грязными словами будет ругаться газель, что ей ответит бедная Стася, как он встанет между ними и что при этом произойдет. Роль героя его пугала, но все-таки почетная была роль, претендовала на вечную благодарность спасенной стороны.

Ира явилась только на третий день. Снова упала Стасе на грудь, но на этот раз со слезами благодарности. Славу сразу попросили не ходить к ним на кухню, откуда в течение двух часов доносились восторженные: «А я ему говорю... А он мне говорит...» В конце концов соседка убежала к вернувшемуся сожителю, а Стася с тех пор стала совсем задумчивой.

Слава долго не мог понять – что к чему, пока не выяснил, что соседка напела Стасе что-то там такое про призвание, про Божью милость и благодать, про то, что нельзя такое от людей прятать, что, мол, делиться нужно с людьми, обещала водить клиентов и хвалила ее талант. «Ха-ха-ха, – сказал Слава по слогам, потому что смеяться ему вовсе не хотелось. – Надеюсь, ты не принимаешь ее слова всерьез?» – «Конечно, нет», – легко согласилась Стася, и Слава впервые почувствовал в ее голосе скользкую фальшивую ноту. «Одну минуточку, – простонал Слава. – Ты что? Хочешь быть похожей на этих?» – и он стал трясти перед ней газетой,

пестрящей объявлениями: сниму порчу, верну вашего мужа, помогу обольстить чужого. «Вдумайся только! Кодирование на деньги! – процитировал он свистящим шепотом. – Сплошной дурдом!»

Но Стася в данный момент была где-то очень далеко и реагировала как-то странно. Ее лицо на минуту полыхнуло краской, потом мертвенно побледнело, и она кинулась в комнату дочери. Леночка спала, подложив ручки под голову, и тихо вздыхала во сне. Стася упала рядом на колени и закрыла лицо руками, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. «Что с тобой? – Слава всерьез забеспокоился и совершенно растерялся. – Стася, тебе плохо?» – «Уже нет, – ответила она тогда. – Все прошло». Он не стал спрашивать, что она видела, что за страшное видение. Если честно – он испугался. Почему Стася бросилась к Леночке? Что может случиться с их дочкой? Ветрянка может случиться, Слава болел в детстве. Чешется немного, а так – пустяк. Ссадина может случиться или ангина. А больше – ничего. Он не сомневался, что, пока твердо верит в это, с дочерью ничего не случится.

Слава дожевывал слегка подгоревшие макароны, когда в двери повернулся ключ. Он выскочил в коридор и, наклонившись, распахнул объятия, как делал это всегда при встрече со своей маленькой принцессой. Но там, внизу, где должна была быть Леночка, оказались лишь Стасины ноги и незнакомые мужские брюки. Слава выпрямился, но не успел стереть с лица приготовленную для дочки ду-

рашливую улыбку.

– Слава, познакомься, это Яков Аркадьевич, – быстро произнесла Стася, не дав ему рта раскрыть.

Невысокий пожилой мужчина с весьма живописной внешностью протянул руку:

– Как говорится, здравствуйте, – сказал он печально. – Думаю, наше знакомство не продлится долго, но все-таки рад, ужасно рад.

– Я тоже, – не найдя ничего лучшего проговорил Слава. – А вы...

– Я, собственно, к вашей супруге, на консультацию, – объяснил Яков Аркадьевич.

Слава перевел взгляд на Стасю, но та уже открыла дверь в их единственную комнату и предложила Якову Аркадьевичу войти.

– Я буду через минуту, – предупредила она. – Осваивайтесь.

– Я понимаю, вам нужно настроиться, – грустно произнес Яков Аркадьевич, усаживаясь в кресло. – Можете не обращать на меня внимания. Тем более что оно мне скоро не понадобится вовсе...

– Это еще что такое? – свистящим шепотом спросил Слава, когда они остались вдвоем. – И где наша дочь?

– Это – ко мне, – твердо сказала Стася. – А наша дочь у своей бабушки.

– Как это?! – Славиному возмущению не было предела. –

Ты хочешь сказать, у моей сестрицы? То есть у своей тети?

– Она теперь еще и бабушка, – отрезала Стася, – и может посидеть с внучкой или с племянницей, пока я работаю.

– Что ты делаешь?

– Работаю. У меня сегодня два приема. Люди позвонили вчера, очень просили принять.

– А-а-а, – простонал Слава. – Докатились. Это все газель полоумная, вот откуда ветер дует! Стало быть, ты собираешься дурачить народ? – Последние слова он произнес нарочито громко. Хоть и получилось петушиным фальцетом, но он был рад: пускай и Яков Аркадьевич послушает.

– Я не дурачу, – обиженно сказала Стася. – Это мое призвание!

– Дай-ка я пощупаю твой лоб! Странно, температура вроде нормальная, а такой бред несешь. В общем, так: я немедленно еду за Леночкой, а когда вернусь, надеюсь это шапито уже закончится. Если это и призвание, то оно совершенно дурацкое!

И Слава вышел, хлопнув дверью.

Глава 3. Дело №7635

По дороге в офис Петр предпринял попытку взять себя в руки или по крайней мере унять дрожь, бившую его с тех пор, как он обнаружил исчезновение Людмилы. Войдя в кабинет, он отменил все встречи, назначенные на вечер. Настроение у него было чуть приподнятое и чуть торжественное. Такое состояние он помнил с детства – когда заболеваешь, все вдруг представляется немного ярче, чем обычно, каждая мелочь приобретает смысл, и самое противное – так становится жалко себя, хоть плачь. Эти детские слезы в подушку он, став подростком, вспоминал с негодованием. Но чувство жалости к себе – стало с тех пор безошибочным симптомом надвигающейся болезни. Даже если температура еще не поднялась выше тридцати шести и шести, он мог поспорить – болезнь взяла его в плен, она уже в нем.

Странно, но и теперь он чувствовал себя почти так же, как обычно перед болезнью. Но к этому чувству примешивалась еще и какая-то болезненная, натягивающая нервы как струны, радость, бодрящая, пьянящая. Много лет он не испытывал такого наплыва чувств. Острые ощущения – кажется, так это называют обычные люди.

Петр сгреб все инструкции со стола и достал задвинутое в самый дальний угол ящика дело Людмилы. Может быть, хоть здесь найдется зацепка. Конечно, нужно было раньше

это сделать. Он совершил ошибку. Но ничего не потеряно. Для организации Людмила умерла, в любом случае – на свободе она или нет. Что она может? Объявиться руководству? Рудавину, конечно, достанется, но и от нее они избавятся в два счета, это она должна понимать. Значит, у нее две дороги: либо где-то затаиться и жить тихо, как мышь, либо попытаться превратить жизнь Петра в такой же кошмар, в какой он превратил ее собственную жизнь... Эта мысль заставила Рудавина поморщиться, словно он хлопнул стакан водки не закусывая. Он пытался вспомнить последнюю встречу с Воскресенской, слова, которые ей сказал, взгляд, которым она его наградила. Ничего особенного в этом взгляде не было. Только отблески полной беспомощности. Неужели его так просто обмануть? Ведь, должно быть, она уже тогда готовила побег...

И все-таки мысль о том, что Воскресенская на свободе, приводила его в странный восторг. Еще вчера он чувствовал себя безраздельным хозяином положения, а любая игра, согласитесь, скучна, когда в ней нет настоящего соперника. Но сегодня соперник у него появился. И появилась возможность не только пощекотать себе нервы, но и еще раз доказать себе, что он лучше и сильнее.

Рудавин чувствовал не только радостное возбуждение, страх не оставлял его ни на минуту. Но не парализующий, мертвящий, а тот, что утраивает силы, подстегивая бежать быстрее, когда за тобой гонятся. Приятный страх. Люди

обычно называют его азартом. Ему было безумно любопытно, какой же первый шаг предпримет Людмила. Право первого хода он уступал ей безусловно. Пусть, ведь это ее партия.

Пришлось повозиться немного, чтобы обеспечить себе охрану на должном уровне. Теперь под надежной защитой профессионалов из организации он мог спокойно во всем разобраться. И первое, о чем ему нужно было подумать, – кто же ей все-таки помогает. Возможно, она и сама могла бы справиться с санитарками, выбраться незамеченной из дома. Но цветы! Представить, как Людмила ползает, собирая их, он не мог, как ни напрягал воображение. Но ведь кто-то оставил их на кровати. Для него. И этот кто-то скорее всего знал о его цветах...

Петр опять вспомнил лицо парня с косой. Вряд ли он тот, кто ему нужен. Парень-то юродивый.

Ничего разумного в голову не приходило. Тогда он стал внимательно изучать дела, которые вела Людмила перед своей «смертью». Папку под номером 7635 Петр открыл, когда уже стемнело.

Чтение фантастической биографии предполагаемой дочери Феликса с ее удивительными способностями произвело на него сильное впечатление. Он, возможно, и отмахнулся бы от дурацкой легенды и предсказания, которое Людмила переписала собственноручно, не доверив даже секретарю, если бы не одно обстоятельство: Феликс теперь действительно-

но был мертв, а его дочь Настя находилась всего в нескольких метрах от места его гибели.

«Будет нас еще пять поколений. Потом род кончится. И расплата кончится, потому как на роду – проклятие. За первую Настасью. За князя китайского...

...Последней будет девочка. Как Настя. Что за смерть ее ждет – не знаю, не ведаю. Но мороз по коже проходит, как о ней думаю. Она, как я, сможет будущее знать. Остальные будут власть налагать словом и взглядом. И только. Последняя Настя должна с первой соединиться. И умереть должна восемнадцати лет от роду. Если только отца своего не переживет к этому времени...»

За несколько лет работы в организации Рудавин отвык верить в чудеса. Любое чудо на поверку выходило лишь игрой опытного ума с беспросветной людской глупостью, жадностью или завистью. Он и этот трактат оставил бы без внимания, если бы не совпадало в предсказании все до малейших подробностей. Людмила поработала на славу. Раскопала всех родственников Феликса вплоть до начала восемнадцатого века и удостоверилась в том, что люди это были необыкновенные и умирали, как предсказывала рукопись. Самого же Феликса Петр хорошо знал и был уверен, что именно его талант власть налагать словом и взглядом так скоро поднял его в организации на пост первого заместителя Людмилы.

Ясное дело, Феликс трактат читал и дочь свою ненавидел,

а поскольку в предсказание верил, то скорее всего пытался ее убить. Может быть, именно об этом и говорят строки предсказания: «Что за смерть ее ждет – не знаю, не ведаю. Но мороз по коже проходит, как о ней думаю...» За девчонкой гонялась не только организация, и собственный отец готов был перерезать ей глотку. Так и должно было случиться, если бы Феликс не погиб так кстати и для Насти и Петра самого, ставшего главой филиала, лишившегося сразу двух руководителей.

Стало быть, дар этой Насти Серовой гораздо сильнее, чем был у Феликса. А потому потрясающей находкой должна быть эта девочка. Если ее способности удастся направить в нужное русло, филиал мог бы проводить такие потрясающие акции!

Несколько минут Рудавин мечтал о том, как можно было бы использовать прогнозы ясновидящей для работы, но потом вдруг понял, что думает он вовсе не о работе, а о побеге Воскресенской. Вот где пригодилась бы ему девочка! Нужно немедленно ее отыскать!

Первый сюрприз, который ждал его на следующий день, заключался в том, что Анастасия Серова, хоть и сменила фамилию и стала называться Анастасией Грох, прятаться ни от кого не собиралась, а жила себе спокойненько в одном из новых районов на улице Энгельса. Вторым подарком оказалась ее словоохотливая соседка Ирина, которая первому встречному тут же поведала о неординарных способностях

Анастасии и посоветовала записаться к ней на прием.

Все было слишком просто. Это насторожило Рудавина. Ему захотелось самому проверить фантастические способности девушки. Он позвонил Якову Аркадьевичу. У бедняги совсем недавно обнаружили рак, и через три дня он собирался ложиться в их клинику на операцию. Врачи давали ему три-четыре месяца жизни. Интересно, почувствует ли это девчонка?

Яков Аркадьевич через Ирину договорился с Анастасией о встрече. Девчонка предсказала ему долгую жизнь – пятнадцать лет. Яков Аркадьевич разволновался, спросил, не будут ли его оперировать в ближайшее время. «Нет, – ответила она. – Зачем?» Петр чертыхнулся. Дребедень! Нужно же было на такое купиться! Он закрыл папку и снова отправил ее в самый дальний ящик. Полная ерунда. Такая же липовая предсказательница, как и все прочие.

Однако через два дня к нему явился сияющий Яков Аркадьевич и рассказал удивительную историю. Его положили в клинику и, как положено перед операцией, сделали все анализы повторно и... ничего не обнаружили, никакого рака. Но Яков Аркадьевич, совсем недавно прощавшийся с жизнью, снова был недоволен. «Значит, та девочка права! И жить мне осталось всего пятнадцать лет. Вы только представьте себе – всего пятнадцать. Какое горе!»

На этот раз Рудавин Якова Аркадьевича отпустил не скоро. Выспросил все о Серовой, о ее семье, поинтересовался,

сколько лет ее ребенку, как выглядит квартира, куда выходят окна.

– Вам нужно побывать там еще раз.

– У меня есть прекрасный повод. Она ведь не взяла денег, сказала, что возьмет лишь в том случае, если ее предсказание окажется верным.

– Вот и заплатите ей. И еще. Попросите уделить время вашей непутевой племяннице.

– Это вы Софочку имеете в виду? Хорошая идея!

– Совсем не Софочку. Мы пришлем племянницу. Плачьте, в ногах валяйтесь, но чтобы племянницу она приняла не позднее чем послезавтра.

– Хорошо, я все понял. Все понял. Откланиваюсь, тотчас же схожу к нашей подопечной.

На пороге Яков Аркадьевич обернулся:

– Да, совсем позабыл, если вам это интересно, конечно. После меня у нее на приеме был один тип... Такой, ну, неполноценный...

– Ну и что? – устало посмотрел на Якова Аркадьевича Петр. – К гадалкам только неполноценные и ходят.

– Но этот был по-настоящему с приветом. Высокий, белый весь, словно седой. А лицо смуглое...

– Вы, конечно, не слышали о чем они разговаривали? – Петр стиснул пальцы.

Что-то складывалось. Он еще не знал, что именно, но почувствовал: вот он – ее первый ход. Он угадал.

– Почему же – слышал. Правда, только самое начало. Тот спросил, не может ли она предсказать судьбу по фотографии. Женщина, которая его прислала, больна и не может прийти сама...

Петр встал. Конечно же, не может прийти. Вот она ниточка, за которую можно ухватиться...

Яков Аркадьевич уходил, брезгливо поджав губы. Стася в отчаянии смотрела ему вслед. Что-то было не так. Он не поверил ей. Уходил с такой кислой миной, как будто сожалел о потраченном понапрасну времени. Вежливо поблагодарил, но на самом деле не поверил ни единому ее слову. В коридорчике он осмотрелся:

– У вас нет обувной ложки! – Его отчаянию не было предела. – Ну что ж...

И медленно, отдуваясь, опустился на корточки, зашнуровывая ботинки. В этот момент в дверь позвонили. Якову Аркадьевичу пришлось отодвинуться в сторону, и когда Стася открыла дверь, он оказался как раз за нею. Может быть, именно поэтому следующий посетитель сразу заговорил:

– Вы можете предсказать будущее по фотографии? Нам очень нужно.

– Но вы ведь не предупредили по телефону...

– Я не мог. Эта женщина... Она очень больна. Она не может ходить...

Яков Аркадьевич потянул дверь, и мужчина отскочил назад, а в глазах его мелькнул ужас, совсем как у ребенка, за-

стигнутого врасплох.

– Не волнуйтесь, – успокоила его Стася, – это тоже... клиент, – она все-таки подобрала слово. – Он уже уходит. Проходите, присаживайтесь, а я сейчас. Я попробую. Правда, если честно, никогда этого раньше не делала.

Стася немного нервничала. Вот-вот должен вернуться Слава с Леночкой. Если он так бурно отреагировал на появление благообразного Якова Аркадьевича, то даже представить трудно, что будет, застань он дома слабоумного. Стася не знала, как правильно называется заболевание человека, который сидел в кресле напротив. Медицинскую психологию на факультете изучают только с третьего курса, а она и первого толком не закончила, уехала в роддом прямо с лекции. Но учебники листала и фотографии с такими вот типажами там определенно видела. Или это был учебник по юридической психологии, с фотографиями разных маньяков и насильников?

Стася еще раз взглянула в лицо собеседнику и натянуто улыбнулась. У нее не было времени ни рассмотреть его хорошенько, ни подумать. Мужчина глядел на нее исподлобья, не отрываясь и даже не моргая.

– Я попробую, – вяло промямлила Стася и потянулась за фотографией.

Мужчина перехватил ее руку и еще раз заглянул в лицо. Стася чуть не вскрикнула от неожиданности и страха. Он ведь совсем-совсем больной. Кто знает, что у него на уме?

Втемяшил себе в голову бред о какой-то женщине.

– Вы никому не должны рассказывать обо мне, – сказал он, отпустил Стасину руку, протянул фотографию и добавил: – И о ней тоже.

Стася часто закивала, нервно сглотнула и посмотрела на фото. Первая реакция была как удар – боль под ложечкой, совсем такая же, как в детстве. Стася сморщилась и стиснула зубы. Боль прошла неожиданно быстро, и она снова посмотрела на фотографию. Закрыла глаза и увидела школу. Да, да, она ведь уже однажды встречала эту красивую женщину и именно в своей школе. Удивительное совпадение! Дальше картинка, которую она видела внутренним зрением, расплылась и превратилась в другую – будто перелистнули страницу. Стася увидела кладбище. Похоже, что женщина с фотографии умерла. А этот сумасшедший думает, что она жива. Трудно будет сказать ему об этом. Стася не спешила открывать глаза. Нужно было что-то придумать. И поскорее выпроводить его отсюда. Только вот жаль, ничего не приходило в голову...

Стася открыла глаза, тяжело вздохнула, ей не очень хотелось расстраивать своего посетителя печальным известием, но тут в прихожей раздался звонок, и она резко подскочила. – Минуточку, это муж вернулся. Я сейчас...

Леночка в качестве приветствия повисела немного у мамы на шее и направилась в комнату. Стася успела заметить, как мужчина встал, как Леночка подошла к нему и потянула

за брючину, задрав голову вверх. «Только бы не упала!» – с ужасом подумала Стася, но сейчас важнее было утащить Славу на кухню. Он упирался.

– Как? Он еще не ушел?

– Понимаешь, это... ну, словом, это уже другой посетитель. Я сейчас его быстренько выпровожу, а ты посиди пока здесь, хорошо?

И Стася полетела назад. Кресло, в котором сидел странный посетитель, опустело. Леночка стояла посреди комнаты и смотрела мимо Стаси.

– А где дядя?

– Улетел, – помахав руками, словно крыльями, ответила Леночка.

– Что ты такое...

– Ой! – завопила Леночка, потому что Стася сильно сжала ее локоть.

Стася смотрела на Леночку, сквозь Леночку и снова на Леночку. Ей вдруг стало холодно. Видение было мертвенно-холодным.

– Что ты вцепилась в ребенка? – ворвался в комнату Слава, но, присмотревшись к жене, сразу же остыл и заговорил совсем тихо:

– Стася, это невозможно. В нашу жизнь врываются чужие, посторонние люди. Это нехорошо. Зачем тебе все это, Стася? Разве мы плохо жили с тобой без них?

– Не знаю, – она смотрела на него чуть не плача.

«Улетел», – подумала Стася и подошла к раскрытому окну.

Внизу по дорожке шел ее посетитель. На полпути он остановился и замер, словно что-то припоминая...

Я ее знаю. Она мне снилась. И я ее очень любил. Больше всех на свете любил. А потом она исчезла... И вот теперь нашлась. Нужно будет рассказать Люсе. Нет, нет. Только не сейчас. Я лучше сделаю ей сюрприз. Она обрадуется. Она тоже станет любить ее... Может быть, она была нашей дочкой? Может быть, она и есть – наша дочка? Мы ведь так долго прожили вместе. У нас должны быть дети...

Позже, когда, напичканная изрядной порцией сказок, Леночка наконец улеглась, когда телевизор устал вещать в пустоту комнаты и тихо засветился дымчато-серым бельмом, Стася робко сказала:

– Слава, нам нужно как-то организовать свою жизнь. Я так устала...

– От чего ты устала? Я ведь все, что могу...

– Не то. Я устала сидеть дома и ничего не делать.

– Ты растишь ребенка! – в голосе Славы зазвучал пафос. –

Неужели ты хочешь сдать Леночку в ясли?

– Ну чем уж так плохи эти ясли? Сейчас есть частные...

– Стася, мы ведь договорились – будем жить по средствам.

Частные нам не по карману.

– Но ведь я тоже буду зарабатывать!

– Чем? Полоумными клиентами? Неужели ты берешь

с них деньги? Стася, я тебя не узнаю! Ты в своем уме?

– Я не брала денег, – покраснела Стася. – Я сказала, только когда сбудется...

– Слава Богу. Но когда сбудется, думаю, они о тебе позабудут. Вот что, пока ты не вляпалась в какую-нибудь нехорошую историю, давай-ка покончим с этим раз и навсегда. Попробовала? Вот и ладно. Если уж на то пошло, тебе нужно в университет восстанавливаться. Поучишься пять лет, получишь диплом – тогда и занимайся консультациями. На научной основе. А таких доморощенных ясновидящих у нас – вон, вся страница в объявлениях, – и он в который уже раз потряхнул перед Стасей газетой, которую по четвергам рекламные агенты рассыпали по ящикам, а вслед за ними жильцы – по полу подъезда.

– Тебе не нравится то, что я вижу будущее?

– Извини, Стася. Но я вовсе не уверен, что ты что-то видишь. Мне ты ничего не предсказывала. Все, что я знаю, – это только рассказы, в которых мне многое кажется притянутым за уши. Цепь случайных совпадений ты принимаешь за дар Божий. С чего ты взяла...

– Но я вижу!

– Каждый человек, закрыв глаза, видит какие-то пятна и разводы. У кого воображение побогаче, те принимают их за картинки. Это все равно что гадать по кофейной гуще.

Слава собрался встать, но Стася крепко взяла его за руку.

– Подожди, сядь. Дай руку, сиди тихо и не мешай мне.

Она взяла его ладонь в свои и закрыла глаза. По лицу пробежала неопределенная тень. Сошлись морщинки над переносицей, опустились плечи. Лицо стало напряженным, словно каменным. Слава заерзал. Что-то тревожное было во всем происходящем. Да, он не верит. Но тревога не оставляла его. Стася резко отстранилась и открыла глаза. Посмотрела на Славу, словно впервые его видела, упала головой ему на колени, поцеловала ладонь.

Слава почувствовал прилив нежности, но решил выдержать свою позицию до конца.

– Как, – спросил он немного насмешливо, – увидела что-нибудь интересное?

Стася подняла глаза.

– Ты останешься жив. Они ничего не могут тебе сделать.

– Ну спасибо. – Слава отдернул руку. – Ты про инопланетян? Обрадовала. А то я все сижу и думаю: останусь жив или не останусь?

– Не смейся, – тихо сказала Стася.

– А что мне, плакать? Счастье-то какое: жив останусь...

Конец этой фразы он произнес из душевой под журчание воды. Слава еще что-то бормотал, посмеиваясь, отфыркиваясь, а Стася, положив голову на стол, тоскливо смотрела на дверь. Видеть-то она многое видит, да вот только что с этим делать? С тем безумным человеком, что приходил сегодня, с той связью, которую она почувствовала между ним и своей Леночкой? И вот теперь еще угроза, нависшая над

Славой. Что это? И как этого избежать? Может, он просто заболеет? Гриппом, например? Господи, пусть он заболеет, пусть он только заболеет, бормотала Стася, сама не понимая, о чем и кого просит.

Глава 4. Люся Воскресенская

Первое время после автокатастрофы, а если точнее – сразу же после того, как очнулась и поняла, что с ней случилось, Воскресенская мечтала о смерти. Она лежала на кровати, плотно закрыв глаза, и думала, как бы было хорошо, если бы она умерла прямо сейчас. Людмила Павловна ненавидела свое тело, предавшее ее так неожиданно и страшно. Тело, которым она всегда так гордилась, тело, от которого она теперь хотела избавиться.

Так чувствуют себя только души умерших, когда уходят из этого мира. Вот они поднимаются и кружат первые девять дней по своему дому. И вдруг понимают, что одиноки. Им не докричаться до живых – дети обливают слезами подушки, муж сурово косится на прикрытое куском материи зеркало, и даже мать, которая вздрагивала во сне от твоих вздохов, не чувствует, что ты – бесплотным облаком – здесь, рядом. Но умершим легче, их души на сороковой день возносятся к другим душам, и одиночество заканчивается. Людмила теперь была как душа, для которой никогда не наступит сороковой день. Ее нет, ее никто не видит, она никому больше не нужна...

Разве что Петру. Он, пожалуй, взял бы ее в советники. Людмила редко сомневалась в том, что именно Рудавин сделал ее калеккой. Это читалось в его ясном взгляде, да он осо-

бенно и не скрывал. Он сделал ее калекой не только для того, чтобы занять ее пост и пользоваться ею как источником информации. Нет. Он сделал это еще и для того, чтобы унижить ее, растоптать. Достаточно было прочесть досье Рудавина, чтобы узнать, как именно он расправляется со своими соперниками и врагами.

Последние два года, что она провела в этом доме под опекой глухонемых санитарок, почти сломили ее. Жить не хотелось вовсе. Но для того, чтобы уйти из жизни, нужно было проявить волю и желание, а ни того ни другого у Людмилы почти не осталось. Порой, глядя на отвратительную, святающуюся сознанием собственного превосходства физиономию Рудавина, который раз в месяц непременно появлялся в ее комнате, Людмиле хотелось заговорить с ним. Человек умирает от мысли, что он никому не нужен. Инстинкт быть востребованным сильнее гордости и даже здравого смысла.

А кроме Петра – кому она еще нужна? Никому. И это – правильно. Мир принадлежит живым, красивым телам. Как она раньше любила этот мир, эту жизнь!

Пора сдаваться, говорила она себе. Вот явится Рудавин, и она заговорит. Заговорит впервые за три года. Теперь ей казалось, что слова, произнесенные вслух, имеют почти магическую силу. Нужно заговорить, и тогда смертельная тоска, от которой некуда деться, отпустит, отступит. Решено, она заговорит сегодня же. Скажет немного. Может быть, просто попробует голос.

Людмила услышала за дверью шаги и замерла. Шаги были так не похожи на мягкое шарканье шлепанцев санитарок. Но это был и не Петр. Людмила потянулась, устроилась на подушках, вытянула шею, чтобы слышать отчетливее. Но напрягать слух не потребовалось. Раздался вскрик, стон, потом – возня. Что-то тащили по полу. Она могла поклясться, что – тело. Неужели она и Рудавину больше не нужна? Похоже, за ней пришли и начали убирать свидетелей. Все правильно, сама бы поступила точно так же, будь она на его месте. Значит – конец. По ту сторону двери по полу протащили еще одно тело. Она должна подготовиться и встретить свой конец достойно. Она должна...

И вдруг на нее обрушился целый водопад чувств, которые она все эти годы пыталась задавить мертвой и холодной логикой. Она поняла, что хочет жить. Пусть калеккой, пусть всю жизнь не выходя из этой треклятой комнаты, но только – жить! Хочет до одурения, до того, что готова продать душу дьяволу.

Тем временем неуверенные шаги приближались к ее комнате. А жить хотелось все сильнее! Нужно... Ничего ей не нужно, кроме жизни! И она не отдаст ее просто так! Ну же! Дверь отворилась...

Когда он вошел, она чуть не закричала. Зажала себе рот обеими руками, и глаза ее забрызгали его разноцветными искрами. Он подошел к ней, сел рядом на пол.

– Покричи, если хочешь!

Она впилась глазами в дверь. Прошла минута, другая. Но никто не вошел.

– Никого нет, – то ли удивление, то ли вопрос вырвался у нее.

– Они нас не слышат, – ответил он радостно. – Пойдем домой.

Она снова метнула на него взгляд, полный ужаса: он ничего не знает.

– Я отнесу тебя, – добавил он, глядя в сторону.

И она поняла – знает. Все знает. Слезы закапали как дождь. Быстро, еще быстрее. Все лицо стало мокрым, и одеяло, которое она прижимала к себе изо всех сил. Он пытался отнять, а она прижимала все сильнее.

– Как хочешь, – сказал он, наконец, и завернул рыдающую женщину в одеяло. – Ты стала легче, – он улыбнулся ей во весь рот, поднял ее и прижал к груди.

Новая жизнь распахивалась перед ней настезь, вместе с дверью, которую открыл он...

Машина ждала у рощи. Он вел сам. Впервые за долгие годы она видела его за рулем. Вел осторожно, не превышая скорости, объезжая посты ГАИ, отмеченные у него на карте. У него не было прав. Если бы его остановили, это был бы конец. Он нацепил дымчатые очки, и теперь его можно было принять за разумного человека.

– Осторожней, – все время повторяла Людмила. – Осторожней! – говорила она с необыкновенной нежностью.

Он привез ее к себе. Стояла глухая ночь. Никто не выглянул в окно и не полюбопытствовал, что же там тащит дурачок-сосед. Он усадил ее в самое большое кресло посреди гостиной. Включил свет. На столе стоял огромный торт, на котором крупными буквами было написано: «С днем рождения, любимая!».

Он неуклюже топтался у стены, готовый по ее первому требованию расставить вещи по местам, а свои подарки выбросить в мусорное ведро. Она так часто кричала ему: «Сделай как было!» Но теперь она не кричала. Она плакала и захлебывалась слезами. Впервые он сделал что-то правильно.

Она довольна. Хоть и плачет. Ей понравилось. День ее рождения. Он не забыл. А она, кажется, немного забыла. Но теперь вспомнила...

Когда Людмила подняла на него зареванное распухшее лицо, он тоже заплакал и сказал ей:

– Ты такая красивая!

В этот день ей казалось, что слезы никогда не кончатся. Она целовала его в седой висок. Она говорила: «Мой дурачок!» Он стал рассказывать, как нашел ее, как устроил так, чтобы сделать ей подарок ко дню рождения. Она слушала и никак не могла понять одного: как же она могла забыть о нем? Единственный человек, о котором она не вспоминала в эти кошмарные годы, был тем самым человеком, который никогда не забывал о ней...

Его звали Витей Черновым, вернее – Витькой. Ей было то-

гда четыре года, а он ходил в первый класс, И она ему втайне жутко завидовала. И уже тогда считала, что он самый красивый мальчишка в их дворе. А он ее не замечал. Какому первокласснику интересно, что там про него думает малышня из песочницы. Ее мама говорила про него «серьезный мальчик». И тогда она поклялась себе учиться лучше него. Хотя куда уж лучше, ведь он не получил за первый год ни одной четверки.

Первую четверку он получил в пятом классе. Люськин портрет к тому времени красовался на доске почета их школы, на четыре ряда ниже, но ровненько под его портретом. Она часто бегала смотреть на переменках. Вот он, а вот она. «Большие» брали ее теперь в свою компанию. Не потому, что отличница, а потому, что одного с ними роста, и потому, что «одного с ними соображения». Она им рассказывала про книжки, которые брала читать в библиотеке. А они ей разъясняли всякие неприличные слова, которые без устали писали на заборах и гаражах.

Однажды она им рассказала про «Тимура и его команду». Понравилось всем. Из старых картонных коробок соорудили штаб, составили список беспомощных старух, которым станут помогать. Дело было только за выбором командира. Девчонки и несколько мальчишек были за нее. Но остальные мальчишки, а их было больше, стояли горой за Витьку. Тогда Люся с Витькой в первый раз подрались. Вокруг плотным кольцом стояли ребята и улюлюкали. Он победил. Она

бежала домой с разбитым сердцем и разбитой губой. Но он на следующий день получил свою первую четверку.

Она думала, что он забыл, – это уже в седьмом, в ее седьмом, когда он, десятиклассник, впервые пригласил ее в кино, – но оказалось, он тоже все помнит. И драку, и четверку. «Люся, ты меня погубишь!» – сказал он тогда, смеясь. Они почти не смотрели на экран, шептались, а все вокруг на них шикали.

Люся это кино тоже не забыла. И все думала потом: вот если бы Виктор этого не сказал... Она проклинала потом весь мир: зачем он это сказал! Но тогда ей понравилась роль погубительницы. Она ответила: «Обязательно! Так что – держись!» Там же в кино Витька и поцеловал ее в первый раз. Люся ждала этого с четырех лет. А может, и еще дольше, только не помнила. Этот первый поцелуй был как стекло – прозрачный, чистый. Она несла его домой, как свое новое знамя. Легла в постель и решила: так теперь будет всегда. Но на следующий же день они поссорились.

Один из ребят, из зависти или просто сдуру, повторяя любимую присказку своей матушки, сказал ей: «Ты думаешь, одна такая у него? У него таких много...» Он еще что-то говорил, но она оглохла. Удивленно смотрела в небо, трясла головой, чтобы вытряхнуть невидимую вату, заложившую уши. А потом внутри нее произошел взрыв. Как в кино про фашистов, с фонтанами огня, с черным дымом, с кровавыми черно-белыми брызгами, только почему-то очень медленно,

как в замедленной съемке. От этого сила взрыва показалась еще смертоносней. Она должна была умереть на том самом месте, где были произнесены ужасные слова. И она умерла. Вечером домой вернулась совсем другая Люся.

На следующий день она шаталась по комнатам как привидение, неподвижно часами сидела за столом, вода не заправленной чернилами ручкой по чистому листу. Остатки жизни вытекали по капле. Телефон молчал, пока мама не воткнула штепсель обратно в розетку. Люся уставилась на нее страшными пустыми глазами. Телефон сразу зазвонил.

«Это тебя, – сказала мама, улыбаясь, – серьезный мальчик». – «Привет», – услышала Люся его безмятежный голос. «Да как он смеет!» И решила погодить со смертью, согласилась встретиться, снова сходить в кино. Стекло поцелуя все еще горел на правой щеке.

Она потратила целый день на сборы. Мама разрешила ей надеть свое платье с красивым вырезом. Машка из соседнего подъезда одолжила фен в обмен на домашнее задание по математике. Ресницы Люся долго мучила щеточкой с тушью, пока они не загнулись вверх и не раскрылись, как у ее куклы Мальвины.

Увидев ее, он немного растерянно спросил, косясь на глубокий вырез и метровые ресницы: «Что это с тобой?» Она развернулась и ушла. Между ними на полгода повисло непонимание. Люся мучилась, старалась реже выходить на улицу и сидела за учебниками дни напролет. Ничего не хотела про

него слышать, избегала всех подруг и знакомых. От нечего делать она обложила учебниками по математике и щелкала задачки как орешки. Потому что за каждой формулой, за каждым решенным примером ей мерещилось решение собственной судьбы. словно рядом с учебником математики сидел сам бог и внимательно наблюдал за каждым ее действием. «У тебя получилось, – говорил бог, – значит, он любит тебя!» Получилось – значит, любит. Она сама придумала себе такого бога, и не было ни одного примера, ни одной задачи, даже повышенной сложности, которые она не сумела бы решить.

А потом наступила зима, и они неожиданно столкнулись на улице. И замерли. Витька наклонился, неотрывно глядя ей в глаза, зацепил пушистого снега и бросил в нее. Подумав немного, она швырнула на землю модную сумку, и через несколько минут они, счастливые и облепленные снегом, уже хохотали как сумасшедшие. Все, что наговорили ей о Витьке, оказалось ложью. Мучительные полгода сократились до многоточия в их романе, и он завертелся дальше.

В десятом Люся узнала, что мать Виктора считает ее не слишком подходящей для сына парой. Это был второй удар, но он заверил, что уйдет из дома, если мать не переменит своего мнения. Люся успокоилась. Вообще-то спокойной их любовь назвать было трудно. Она была похожа на бурный горный ручей, все время спотыкающийся о камни, но преодолевающий все препятствия благодаря сво-

ей энергии и стремительности. Задуматься о препятствиях и о том, почему судьба неотвратимо ставит их на пути, времени не было. Время летело вперед, роман, опутанный поцелуями и нежными ласками, рвался во взрослую жизнь, чтобы окончательно успокоиться в зыбких судорогах незнакомой и манящей подлинной страсти.

Уже что-то говорилось о свадьбе. Его друзья, третьекурсники, уже обзаводились семьями, любовницами, кто-то даже детьми. Ее, десятиклассницу, все это манило и пугало одновременно. Он ждал ее выпускного бала, а она с приближением последнего звонка мучилась все сильнее. Как это – выйти замуж сразу же после школы? Ей хотелось учиться дальше, в школе ей сулили блестящее будущее. Во всех учебниках математики не было ни одной задачи, с которой бы она не справилась. Дома пылились дипломы олимпиад по математике – районной, городской, областной. Предстояло выступить на союзной. Учитель не сомневался, что и там она будет первой.

Чернов смеялся. Он не то чтобы не верил в ее способности, но откровенно не понимал, к чему ей все это. «Разве что в кулинарии, высчитывать пропорции крупы и воды...» Она злилась. На союзную олимпиаду в Москву уехала обиженная. Она заняла первое место и получила все грамоты, какие только возможно. Ее заметили. Пригласили доучиваться в закрытую московскую школу. Обещали стажировку в Принстоне. Солидный профессор в очках с золотой опра-

вой расписывал Люсе грядущие перспективы так заманчиво, что у нее закружилась голова.

Это головокружение помешало ей объяснить Вите все обстоятельно. Разговор не получился. У нее кружилась голова, а у него начисто пропал слух. Вот так они и поговорили. Он ничего не желал слушать. Он понимал только одно – Люся не хочет выходить за него замуж. Он уже купил кольца. Он договорился с бабушкой, что та переедет к матери, уступив им свою квартиру. Хотя бы на первое время. Он присмотрел белое платье, которое ей непременно понравится. А она готова променять все это на какой-то дурацкий Принстон. Ее нельзя было отпускать! Он словно наверняка знал – если она уедет, то никогда не вернется. То есть вернется, конечно, но никогда не будет принадлежать ему. Она будет принадлежать своей дурацкой математике.

После поездки в Москву Люся переменялась. Слова профессора звучали даже в ее снах. Мир оказался больше и шире, чем их дворик. Но она никак не могла сделать выбор. Любовь к Чернову все равно была больше самого большого мира.

Его отчаяние, подогретое уязвленным мужским самолюбием, неожиданно поменяло форму. Он хотел показать ей, что с ним не стоит обращаться как с мальчишкой из параллельного класса, что он уже взрослый, он – мужчина. Соседи теперь часто видели его в компании друзей-однокурсников, навеселе возвращающегося домой. В компании были и девы-

цы с взрослыми, хриплыми голосами. Люся тоже видела их. Девицы казались ей пугающе откровенными и бесстыжими. И еще ей казалось, что любая из них может дать Чернову гораздо больше, чем она.

«Они раскованные, – говорил он. – Вырастешь, сама такой станешь!» – «Никогда!» – ревниво шипела ему в ответ Люся, унося в своем сердце страшное, но заманчивое слово «раскованные». Дома она уходила с головой в математические расчеты, высчитывая свои шансы, чужие плюсы и минусы. Они раскованные, им плюс. Зато никто из них ни в зуб ногой в интегралах. Им минус. А ей плюс? Или здесь тоже минус? Она моложе и, как говорила мама, – свежее. А они постарше, зато наверняка уже посвящены во все таинства взрослой жизни, потому что ведут себя так, словно им давно все ясно. Это кому плюс, а кому минус?

Перед последним выпускным экзаменом к ней явился тот самый профессор в золотых очках. Приехал на симпозиум, решил навестить, подарил свою книгу, вышедшую на английском языке. Мама дрожащими руками разливала кофе по фарфоровым чашечкам старинного бабушкиного сервиза, впервые явленного к столу. Внимая профессору, мама вздыхала, и взгляд ее поминутно становился туманным, а губы сами собой расплывались в улыбке. Когда профессор ушел, она обняла Люсю за плечи и, не тая восхищения дочерью, сказала: «Подумать только, какое будущее тебе уготовано!» Мама работала портнихой и всю жизнь страдала

от отсутствия вкуса у своих клиенток. Мир, расстилающийся за дверью ателье, казался ей необыкновенно привлекательным и манил вырваться, выделиться, преуспеть. Но она робела, надежды с годами таяли, желания тонули в рутине повседневности. Ей никогда не написать книгу, которую издадут в Штатах. А у дочери есть такая возможность. Профессор сказал – она лучшая. Весь мир должен знать, что ее дочь – лучшая. И это именно она вырастила необыкновенную девочку. Это она вложила в дочь мечту вырваться из обыденности, и Люся обязательно сделает это. Ведь это – ее дочь.

Мама предавалась мечтам. Она не знала о сомнениях дочери. И не поняла бы. Как можно выбирать между пусть даже очень хорошим мальчиком и своим будущим? Слово «будущее» она теперь произносила торжественным шепотом.

Узнав о визите светила математической науки, папа распечатал бутылку коньяку, мама нарезала лимон. Их лица светились счастьем. А Люся, глядя на эту семейную идиллию, вдруг решила: нет. Она не хочет быть математиком. Она тоже хочет вот такой семейной идиллии. Хочет жить душа в душу с любимым человеком. Это – важнее, а все остальное...

Выпускной бал состоялся ровно через неделю. Она возвращалась домой под утро. Под руки с поблекшими после бессонной ночи подругами. Чернов ждал возле подъезда – решительный, как знаменосец перед боем. Это произошло при всех. Он сказал, что хочет, чтобы она стала его женой, и напряженно замер, откинув голову и чуть прикрыв глаза,

словно ожидая удара. Она в ответ улыбнулась и сказала «да». «Повтори», – попросил Чернов, не веря собственным ушам. Всю ночь он готовился к тому, чтобы справиться с другим ответом. Он готов был услышать «нет». «Да, – сказала она ему. – Я буду твоей женой!»

Он схватил ее в охапку. Девчонки затаили дыхание. Но он не стал целовать ее при всех. Остановился в последнюю секунду. Его дыхание обдало ее ухо жарким вздохом. Витька легко оторвал Люсю от земли и закружил. Маленькая толстушка заплакала и неловко захлопала в ладоши. Высокая тонкая блондинка нервно закусила губу. Их тут же пригласили на свадьбу. Он проводил ее до дверей и пожелал спокойной ночи. А потом поправился: «Ах да, до ночи еще далеко...»

До ночи действительно было далеко... Днем, когда она проснулась, родители подарили ей чемодан. Большой кожаный чемодан, наверно, страшно дорогой. «Это в дорогу», – сказали они и обнялись, словно уже осиротели. Она засмеялась и объявила им, что никуда не едет, а выходит замуж и очень этим счастлива. Мама быстро взглянула на папу, и губы ее задрожали. Папа воровато посмотрел на Люсю, пожал плечами и увел маму из комнаты.

Пока Люся плескалась в ванной, мама сидела в кресле, подавленная и разбитая. Невидящим взглядом она уставилась в пространство, где таяла ее мечта о знаменитой дочери. Мечта теряла контуры, мама дважды нервно порывалась

встать, но папа удерживал ее. Но она услала его за валокордином, а сама прильнула к телефонной трубке. Выйдя из ванной, Люся нашла маму успокоившейся, хотя и пахнущей сердечными каплями. Радостно поцеловала мать в щеку, которую та подставила с явным удовольствием. Люсе хотелось побыстрее встретиться с Витей и рассказать о разговоре с родителями. Она позвонила, но трубку сняла его мама и холодно ответила, что он будет только вечером. «Не знает», – немного расстроено подумала Люся. Но теперь никто и ничто не может помешать ее счастью. Даже его мама.

Вечер наступал только через пять часов, а через три с половиной часа в квартиру вошел профессор. Вежливо раскланялся, поздравил Людмилу с окончанием школы, попросил родителей разрешения переговорить с дочерью с глазу на глаз, шепнул что-то на ухо маме, отчего она широко улыбнулась и выскользнула за дверь. Вот, собственно, и все, что запомнила Люся из своего последнего дня, проведенного дома, в родном Ленинграде. Вечером, когда Витя с роскошным букетом белых роз, наглаженный, свежесбрившийся и окрыленный позвонил к ней в дверь, мама, ловко изображив удивление, сказала ему: «А Люся уехала в Москву. Разве вы не знали?»

Она много раз потом вспоминала этот день, перебирая все детали. Ей до смерти хотелось вспомнить, что же такое сказал ей тогда профессор, но она не могла вспомнить ни единого слова. Вспомнила только, как вышла с ним вме-

сте из комнаты. Вспомнила улыбающуюся маму, протягивающую ей чемодан, куда уже было аккуратно сложено все самое необходимое. Вспомнила, как они с профессором спорили в самолете насчет теоремы... Первые дни в школе закрытого типа тоже прекрасно помнила. Лекции, библиотека, совсем немного сна, и все сначала. Дни были похожими один на другой, но работа была захватывающей, учеба – страшно интересной, а свободное время она с новыми подругами и друзьями проводила в жарких спорах о математике и психологии человека.

Когда Люся впервые вспомнила о Чернове, с ее «да» на крыльце прошло три месяца. Это воспоминание нахлынуло совершенно неожиданно, во время лекции по теории вероятности, и застало врасплох. Что она наделала? А главное – почему? Она ведь не собиралась... Как будто она потеряла память, а теперь вдруг все вспомнила. Люся посмотрела по сторонам. Вокруг сидели ее новые знакомые. Лица целеустремленные, все, не отрываясь, смотрят на доску. Расскажи она кому-нибудь из них о своих переживаниях, только махнут рукой и предложат решить интересную задачку.

Вечером она попросила у куратора разрешения позвонить по телефону. Он сразу же согласился: «Я вас соединю. Мама, наверно, соскучилась». – «Я хочу позвонить вовсе не маме», – осторожно сказала Люся, и взгляд куратора сразу же переменялся. «Садитесь, – сказал он. – Нам есть о чем поговорить».

Так впервые она узнала о существовании организации. Ей повезло, сказал куратор, она попала в самую сердцевину жизни. Сердце организации состоит из математических формул. А у нее талант, огромный и особый. К тому же ее психика сильнее и устойчивее, чем у многих. Зомбирование действует на нее не так безотказно. Собственно, с ней и так вот-вот собирались поговорить начистоту. Тесты показали, что у нее есть большие организаторские способности и многие другие качества, которые вместе с математическим талантом ставят ее выше других «воспитанников». Ей хотят предложить интересную работу в организации и, конечно же, учебу. Как она смотрит на то, чтобы отправиться в Тибет?

Это уже было что-то из области фантастики. Люся помнила, как ей все это объясняли, но совсем не помнила, как дала согласие. А согласие, вероятно, она дала, потому что вскоре вокруг нее на многие сотни километров торчали лишь заснеженные горные вершины.

После Тибета была Южная Америка, после Америки – Принстон. Правда, занималась она там вовсе не математикой, а училась науке влияния на человеческое сознание, управления поведением, сканирования души. Много лет спустя, когда Люся стала Людмилой Павловной Воскресенской, она не раз вербовала членов организации, пользуясь этим умением.

Но куда бы она ни ехала, где бы ни находилась, какими бы тяжелыми ни были тренировки, она никогда не забывала тот

вечер, когда сказала ему «да». Люся не могла написать ему, не хватало слов. Не могла объяснить, чем теперь занимается и какая силища руководит ею. Рассказывать было нельзя. Ее карьера в организации стремительно шла в гору. У нее оказалось так много талантов, что хотелось попробовать заниматься и тем, и другим, и третьим. Через семь лет она вернулась в Ленинград, чтобы занять место заместителя руководителя организации по вербовке кадров.

Дом ее ничуть не изменился. Казалось, без нее квартира уснула, родители встречают ее после долгого сна, и оттого их лица кажутся немного постаревшими и несвежими. Все по-прежнему. Только обои на стенах выцвели, деревья во дворе стали выше, дети, которых она запомнила строившими куличи в песочнице, теперь сидели на лавочке у подъезда и брэнчали на гитаре. «Эй, – хотелось крикнуть им Людмиле, – это наше место!» Но не крикнула, а лишь сдвинула брови, проходя мимо, а в ответ получила вызывающие взгляды, в которых отчетливо читалось: «Ну чего тебе, тетка? Иди своей дорогой!»

Мама не упоминала о Викторе ни в одном письме. Ни разу за семь лет. Будто его и не существовало. Но по ее беспокойно заметавшемуся взгляду Люда поняла – он здесь, никуда не уехал, живет в той же квартире, на том же тринадцатом этаже. Она научилась читать чужие мысли, теперь ее невозможно было обмануть. Мама с надеждой спрашивала, нет ли у Люси кого-нибудь, и притворно сердито – не соби-

рается ли сделать ее бабушкой? Нет, отвечала Люся, не собираюсь. И мамин взгляд снова уходил в пространство, подалее от Людмилы, от ее настойчивых глаз. Она ни о чем не спросила маму. Зачем, если человек смертельно боится этого? Тем более родной человек, которому ты не хочешь причинить беспокойства. Она пошла к подруге. К высокой тонкой блондинке, что жила двумя этажами выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.